

БУГРОВ Константин Дмитриевич
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

Konstantin D. BUGROV
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com

**«ЗА ДОБРОДЕТЕЛЬ ВОЗДАНИЕ, А ЗА
БЕЗЗАКОНИЕ КАЗНЬ»: ПРОБЛЕМЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII в.**

**«A REWARD FOR VIRTUE, AND A
PENANCE FOR INIQUITY»: THE PROBLEMS
OF FUNCTIONING OF THE LEGAL
POLITICAL LANGUAGE IN XVIII CENTURY
RUSSIAN PUBLIC THOUGHT**

гатья посвящена проблеме функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. Автор демонстрирует, что оперирование правовыми категориями в среде российских элит XVIII в. оставалось подчиненным по отношению к анализу политики в моральных категориях. Российская политическая культура, в которой доминировала придворная коммуникативная сфера с панегириком, манифестом и докладной запиской в качестве основных жанровых форм, не была восприимчива к теориям естественного права и контрактализма, оставаясь ближе к морализму Лейбница, чем к естественно-правовой юриспруденции Пуфендорфа. В России, однако, частью придворного политического дискурса было представление о чуде, о непосредственном вмешательстве Провидения в политическую жизнь, что отразилось в легитимации ряда дворцовых переворотов. Представления придворных элит о законе сводились к классификации административных регламентов и к признанию необходимости наказания за пороки и воздаяния за добродетели, подобно божественному правосудию. В свою очередь, формирующаяся публичная сфера коммуникации также не проявляла большого интереса к юридическим глоссариям, оставаясь преимущественно доменом моральных, исторических, экономических текстов. В заключение автор приходит к выводу о том, что слабость правовых доктрин в России XVIII в. была обусловлена спецификой российской политической системы.

The paper deals with the issue of functioning of the legal political language in Russian public thought of XVIII century. The author demonstrates that for XVIII century Russian elites legal categories were inferior in comparison with the moral categories of the political analysis. The Russian political culture was dominated by the court communication sphere with panegyric, manifesto and report as its main genres and therefore was not sensitive to the theories of natural law and contractualism, staying closer to moralism of Leibniz rather than natural law jurisprudence of Pufendorf. However, in Russia the court political discourse also embraced the idea of miracle, a direct intervention of Providence into the political life, which reflected in the legitimation of several palace coups. The court elites were treating the law as a classification of administrative regulations and the necessity of punishing the vices and rewarding the virtues, just as Godly justice did. In turn, the growing public sphere also had little interest in the juridical glossaries, preferring to debate the moral, historical and economic texts. The author concludes that the weakness of the juridical doctrines in XVIII century Russia was conditioned by the specifics of Russian political system.

ключевые слова: юриспруденция, монархия, Российская империя, политическая мысль, XVIII век, Феофан Прокопович, Екатерина II

Keywords: jurisprudence, monarchy, Russian Empire, political thought, XVIII century, Feofan Prokopovich, Catherine II

Благодарность. Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет).

Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Acknowledgement. This article is prepared with the support of the grant of Government of Russian Federation for attraction of the leading scientists to Russian institutions of higher learning, research organizations of the governmental academies of sciences, and governmental research centers of the Russian Federation. (Laboratory for primary sources studying, Ural Federal University).

Contract № 14.A12.31.0004 from 26.06.2013.

История политики и права – переход от религиозных концепций власти к правовым, причем наиболее часто отмечается влияние естественного права; речь идет о становлении и развитии в России конституционализма, который к тому же часто классифицируется как «правительственный» или «бюрократический». Так, согласно мнению М. Раеффа, для стран Восточной Европы характерным оказалось развитие «бюрократического» конституционализма, выразившаяся в создании упорядоченного, «хорошо организованного» (well-ordered) государства [1, с. 1221-1243]: господство бюрократического регламента вытесняло более старую персоналистскую систему, однако одновременно подрывала развитие потенциала общественного самоуправления чрезмерной опекой [2, с. 23-104].

В настоящей статье мы предлагаем сместить фокус анализа. Как правило, дебаты о российской политической культуре и политической мысли, проводимые в контексте изучения конституционализма, предполагают акцент на проблеме того, каким образом правовое мышление начинает функционировать в авторитарном контексте российского абсолютизма [3, с. 31-51]. Само понятие «государственного конституционализма» или «бюрократического правомерного государства», где «власть из традиционной превращалась в легальную» [4, с. 140], предполагает, что особого рода «правовое» рационалистическое мышление постепенно вытеснило более старые формы политической культуры; в качестве одного из переломных моментов обычно называют распространение в России концепций естественного права, ранними адептами которого называют, например, Феофана Прокоповича или В.Н. Татищева. Однако на наш взгляд представления о секулярно-правовом характере российской политической культуры послепетровской России нуждаются в глубокой корректировке.

Обсуждение. Сам по себе концепт естественного права не указывает ни на какую конкретную позицию; общим местом в политической теории он стал еще в античном мире. Фома Аквинский и богословы-схоласты считали естественный закон вложенным от Бога в сердце каждого человека и, таким образом, допускали различие между «законным», относящимся к несовершенным установлениям позитивного права, и «справедливым», отвечающим трансцендентной божественной морали. Чрезвычайно важным было то, что богословы томистского направления под влиянием Аристотеля возрождали концепт «добродетели», связывая его с Провидением: добросовестное исполнение своей должности (*officio*) влекло за собой божественное воздаяние, и спасение осуществлялось не только верой, но и добрыми делами. Доводы томистов зачастую использовались на практике для обоснования верховенства католической церкви над светской властью; в эпоху религиозных войн томистский анализ естественного закона стал одним из источников мысли монархомахов, решительно отвергавших суверенитет королей.

Альтернативный взгляд, который зачастую и считают естественно-правовой школой политической мысли, сложился с XVI в.; переломным моментом называют труды Гуго Гроция. Этот взгляд в основном разделяли юристы (а не богословы), полагавшие, что религиозная мораль должна уступать гражданскому суверенитету. Естественное право, в таком случае, не является врожденным законом добродетели; оно вытекает из прагматичного стремления людей положить конец состоянию хаоса и вражды, создав государство для поддержания общественного мира. Апелляция к трансцендентному «естественному закону» была отброшена как ведущая к дестабилизации и провоцирующая гражданский конфликт. Роль Провидения оставалась центральной (по меньшей мере, номинально), но была кардинально переосмыслена. В трактате «*De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo*» (1673) крупнейшего теоретика естественного права С. Пуфендорфа «фундаментальный естественный закон» представляет собой основное правило того сообщества, в которое объединяются ради «общего блага» люди. Цель его такова: «Каждый человек должен, сколько может, сохранять и поддерживать государство: то есть, благосостояние человечества» [5, с. 38]. Это правило имеет и силу закона, установленного Провидением: Бог установил «государственную жизнь» целью жизни человека и снабдил человека необходимым для достижения этой цели орудием – разумом. В этом смысле можно сказать, что человек рождается со знанием подобного закона, «написанным в сердце»; однако не в том смысле, что он является врожденным, но лишь в том смысле, что человек одарен разумом, позволяющим постичь упомянутое выше правило, установленное Провидением [6, с. 39].

Именно это вызвало возражения со стороны Г. Лейбница, который подверг Пуфендорфа критике в небольшом сочинении «*Epistola Viri Excellentissimi ad Amicum, quâ monita quaedam ad principia Pufendorfiani operis, De Officio hominis et civis continentur*» (1701). Лейбниц «ставил трансцендентный моральный разум выше светского естественного права Пуфендорфа, а универсальную справедливость – выше людского трибунала, чьей целью была всего лишь безопасность» [7, с. 478]. Провидение для Лейбница оставалось гарантией справедливости, благодаря которой добродетельное поведение сопровождалось адекватным воздаянием [8, с. 78-80]. Таким образом, политическая мысль германского Просвещения соединяла идеи юристов (Пуфендорф, Томазий) и метафизиков (Лейбниц, Вольф); в рамках одного из подходов акцент был сделан на обеспечении внутренней и внешней безопасности, тогда как в рамках другого главным считалась максимизация процветания (*eudaimonia*), что открывало интервенционистскую перспективу камерализма [9, с. 1004-1006].

Какой из этих политических языков – правовой или моралистский – был более влиятельным в России XVIII в.? Прежде, чем найти ответ на этот вопрос, следует определиться – что, собственно, считать российской общественной мыслью? Российские элиты XVIII в. не производили трактатов о праве; крупнейшие группы элиты – лидеры церковной иерархии и придворно-административные круги (администраторы, панегиристы и литераторы, принадлежавшие к дво-

рянству и группировавшиеся вокруг императорского двора) не обладали подготовкой в области правовой науки. Рассуждения представителей российских элит о праве, таким образом, следует рассматривать в ином контексте, чем европейская традиция, которую формировали преимущественно хорошо подготовленные специалисты по юриспруденции – юристы, теологи и философы.

Единственной группой среди российских образованных элит, которая действительно была способна регулярно использовать правовой язык, были юристы – преимущественно преподаватели Московского университета или члены Академии наук. Тем не менее, юристы занимались преимущественно систематизацией того, что они считали «российским правом»: примером тому может служить один из крупнейших российских юристов XVIII в., незаслуженно забытый исследователями российской политической мысли Ф. Штрубе де Пирмонта, известный прежде всего своей критикой философии Монтескье [10, с. 322-331]; Штрубе, получив образование в Галле, подвизался в Академии в Санкт-Петербурге, а позднее – на службе в российской коллегии иностранных дел. Если же мы обратимся к наследию ведущих администраторов Российской империи – таких как Н.И. Панин или А.А. Безбородко – можно обнаружить, что законы понимались ими преимущественно как набор регламентов, установленных монархом – регламентов, по которым и осуществляется управление Российской империей.

В отличие, однако, от Лейбница российская церковная элита постоянно настаивала на актуальном присутствии Провидения в политической жизни Российской империи – XVIII в. представлял в традиции придворного панегирика настоящим «веком чудес». Петровские преобразования и последовавшая нестабильность, приведшая к коллизиям в порядке наследования престола, дворцовым переворотам и целому ряду иных испытаний для традиции политической культуры, сегодня выглядят менее очевидными, но когда-то должны были иметь большое значение (например, тот факт, что в 1730 г. Анна Иоанновна вошла в алтарь церкви для коронации).

Развитие на этой почве обожествления монарха – рассмотренное в знаменитой работе Б.А. Успенского и В.М. Живова [11, с. 205-337] – оказывало огромное влияние на российскую политическую культуру, совмещая моралистическую манеру рассуждения о политике с постоянным ожиданием трансцендентного вмешательства со стороны Провидения либо его земного представителя – монарха.

Четырьмя основаниями подобной манеры говорить о власти выступали Провидение, тираноборчество, культ монарха и глас народа. Общим местом для всей монархической традиции XVIII в. была уверенность в том, что короны раздает Провидение. Так, один из церковных иерархов, архиепископ Новгородский Амвросий Юшкевич в «Слове в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни наша императрицы Елисаветы» (1741) обсуждал воцарение императрицы таким образом: «Говоритеж теперь безбожники, неисповедающие Бога и его Промысла, что то зделала фортуна, слепой случай, а не Бог всеми владычествующий: блядословите» [12, с. 10]. Соответствующим образом была организована и коронационная церемония в Москве. Тиранию низвергает сам Господь; и если Амвросий противопоставил «фортуны» и Промысел в проповеди, то в 1762 г. так называемый «Обстоятельный манифест» о вступлении Екатерины II на трон начинался с аналогичного указания: «Вступление наше на Всероссийский Императорский престол явным есть доказательством истины сей, что где сердца нелицемерныя действуют во благое, тут рука Божия предводительствует. Не имели Мы никогда ни намерения, ни желания таким образом воцариться, каковым Бог по неведомым Его судьбам промыслом своим Нам определил престол отечества Российскаго восприять...» [13, с. 216-217] Манифест, создававшийся, скорее всего, Г.Н. Тепловым и, возможно, Н.И. Паниным – людьми, далекими от церковной иерархии, использовал тем не менее ту же риторику, что и тексты епископов.

Монарх, воцарившийся милостью Божьей, способен преобразовать свою страну. Так, в оде 1742 г. М.В. Ломоносов отмечал [14, с. 94]:

Великий Петр нам дал блаженство,
Елисавета совершенство.

Н. М. Карамзин в «Историческом похвальном слове Екатерине II» (1802), замечательном образце панегирического жанра, суммировал: «Только единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Воле, управляющей вселенною; только она может иметь сие быстрое, свободное исполнение, необходимое для пресечения всех возможных беспорядков» [15, с. 65].

Конечно, вряд ли стоит рассматривать поток придворных панегириков и одической поэзии как проявление реальной идеологической системы, служившей основанием для принятия ре-

альных властных решений и предполагавшей серьезное внимание к чуду и вмешательству Провидения как политическому фактору. Но важно, что именно существование этого потока текстов накладывало ограничения на развитие в придворной сфере правового языка, который – в отличие от моралистической манеры рассуждать о политике – не предполагал чудес и божественного вмешательства.

Приведем пример из творчества Н.И. Панина, выступившего автором целого ряда реформаторских проектов в 60-х – 70-х гг. XVIII в. В «Рассуждении о непременных государственных законах» (не позднее 1783 г.) Панин отмечал: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. <...> Государь, подобие Бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем» [16, с. 249]. Равным образом и А.А. Безбородко (который в отличие от Панина обычно не рассматривается как представитель какой бы то ни было «фронды», являя собой типичный пример министра-фаворита или, по выражению Екатерины II, «фактотума») в 1799 г. фактически повторил соображения Панина, пусть и с меньшим красноречием: «Государь самодержавный, если он одарен качествами сана его достойными, чувствовать должен, что власть дана ему безпредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные» [17, с. 297]. Итак, всесильный монарх устанавливает для себя ограничения, однако они не умаляют его «безпредельной власти», которая должна быть направлена на достижение общего блага и обеспечивать воздаяние и кару тем, кто их заслужил. Сходной логике, по нашим наблюдениям, следовали практически все крупные административные проекты реформы Империи, не исключая и проекты М.М. Сперанского [18, с. 1-21], который был выпускником духовной академии, сделавшим типичную карьеру придворного администратора. Как отмечает В.А. Томсинов, «столкнувшись при осуществлении плана государственных преобразований с яростным сопротивлением <...> Сперанский <...> не нашел для их преодоления иного средства, как обратиться за поддержкой исключительно к императору Александру. Странная вещь: он, придававший в писанных на бумаге произведениях огромное значение при проведении реформ общественному мнению, когда дело дошло до самой практики осуществления их, совершенно исключил "дух народный" из числа своих союзников. Он не сделал ни малейшей попытки ознакомить со своими проектами реформ русское общество, показать своим соотечественникам истинные цели и смысл своей деятельности» [19, с. 192].

Реальное творчество имперских администраторов, таким образом, оказывалось существенно связанным с характерной для панегиристов манерой говорить о монархии как о режиме движения к всеобщему благоденствию, основанной на трансцендентных качествах монарха. Жанр докладной записки министра, таким образом, причудливо сплетался с панегирическим жанром, перенимая у него ряд концептуальных ходов и функций.

Крупнейший законодательный акт, изменивший социальный ландшафт страны – Манифест о вольности дворянской 1762 г. – даровал дворянам знаменитую «свободу служить и не служить», причем мотивацией реформы выступило именно то, что суверен счел ненужным дальнейшее принуждение дворян к службе [20, с. 179-189]. Освобождение, таким образом, мыслилось *условным*; правовой статус дворян был укоренен в моральных предпосылках освобождения и всегда мог быть возвращен обратно волей монарха; следовательно, источником особого дворянского статуса выступала монаршая милость, своего рода воздаяния дворянству в обмен на коллективно проявляемую им добродетель. Моральный язык вновь доминирует над правовым!

Точно так же Н.М. Карамзин в уже упомянутом «Историческом похвальном слове Екатерине II» сетовал на то, что депутаты Уложенной комиссии оказались недостойными гения государыни: «Сограждане! Принесем жертву искренности и правде; скажем что Великая не нашла, может быть, в умах той зрелости, тех различных сведений, которые нужны для законодательства. Да не оскорбится тем справедливая гордость народа Российского! Давно ли еще сияет для нас просвещение Европы?» [21, с. 97] Трудно найти формулировку, более далекую от контрактуализма в духе Пуфендорфа и различных концепций общественного договора.

А.П. Сумароков (который хотя и занимал сенсуалистские позиции в духе Локка, однако при этом оставался склонным к религиозному морализму и, конечно, был знаком с творчеством Лейбница), описывая в одной из первых российских утопий «Сон Щастливое общество» (1759) идеальную «мечтательную страну», отмечал, что свод законов там мал и краток: «Сия книга начинается так: *Чего себе не хочешь, того и другому не желай*. А оканчивается: *За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь*. Права их оттого в такую малую вместины книгу, что все они на одном естественном законе основаны» [22, с. 386]. Речь здесь идет о наказании и – что важнее! – о воздаянии, а не о соблюдении законов. Нас не должны вводить в заблуждение ссылки Сумарокова на «естественный закон»: в данном случае речь идет вовсе не о Гроции и

Пуфендорфе, а о понимании «естественного закона» как добродетели, имманентно присущей человеку и позволяющей при «честной» жизни ожидать воздаяния. Ф. Пустарнаков отмечает, что «теснейшая связь с моралью» была одной из важнейших черт развития философии права в Московском университете в XVIII в. [23, с. 97]

На ином уровне иерархии та же ситуация проявилась в екатерининской Уложенной комиссии 1767 г., где депутаты для обсуждения тех или иных законов (регламентов) постоянно обращались к глоссарию универсальной справедливости или «общего блага». Особый статус дворянства (или иной категории) был основан на вкладе в «общее благо» и вытекающей отсюда монаршей милости; монарх, выступая в качестве суперарбитра, был практически для всех депутатов Комиссии единственной инстанцией, способной по достоинству оценить заслуги и воздать за них сторицей [24, с. 143-156]; сравните это понимание политики с приведенными выше характеристиками философии Лейбница, акцентировавшей внимание на справедливости и воздаянии за заслуги. Показательно, пожалуй, что кодификационные работы в конечном счете оказались сосредоточены в XIX в. во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Заключение. Политический язык естественного права и контрактуализма так и не получил в России XVIII в. широкого распространения. Отдельные элементы правовой мысли Европы оказывались специфическим образом переосмыслены и заново использованы в придворном пространстве российской политической культуры. Основным фактором, определившим отсутствие широкого распространения манеры вести речь о политике в категориях права, оказалась чрезвычайная узость профессионального сообщества юристов (фактически ограниченного преподавателями Московского университета и учеными Академии наук), оторванного к тому же от реальных административных практик и не имевшего прямого доступа к властным должностям.

Политический дискурс при российском дворе определяли не юристы, а моралисты – представители церковной элиты, придворные поэты и администраторы; само законодательство мыслилось, по удачному выражению Н.М. Карамзина, в качестве проекции «Творческой Воли, управляющей вселенною». В то же время растущая с середины XVIII в. публичная сфера российской политической культуры – сфера влияния периодических изданий – также оказалась нечувствительна к правовым концепциям; к рубежу XVIII–XIX вв. в публичной сфере дебатировались в первую очередь вопросы морали, истории, экономики. Причиной этого можно считать отсутствие в России политических институтов, помимо императора и его двора, для которых юридические обоснования могли представлять прагматический интерес. Таким образом, даже в начале XIX в., когда число специальных изданий о праве начинает расти, потенциал и популярность моральных сочинений (продолжавших традицию XVIII в.) или трудов по политэкономии (что, в свою очередь, было новацией) оставались существенно более высокими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*, Vol. 80. – No. 5 (Dec., 1975). – Pp. 1221-1243.
2. *Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. 1732–1905. – New Jersey: Prentice Hall, 1966. – Pp. 23-104.
3. *Захаров В.Ю.* Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // *Российская история*. – 2011. – № 6. – С. 31-51.
4. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 140.
5. *Pufendorf S.* The Whole Duty of Man According to the Law of Nature. – Indianapolis: Liberty Fund, 2003.
6. *Pufendorf S.* Указ. соч.
7. *Saunders D.* The Natural Jurisprudence of Jean Barbeyrac: Translation as an Art of Political Adjustment // *Eighteenth-Century Studies*, Vol. 36. – № 4. – 2003.
8. *Hochstrasser T.J.* Natural Law Theories in the Early Enlightenment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 78-80.
9. *Moggach D.* Freedom and Perfection: German Debates on the State in the Eighteenth Century // *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*, Vol. 42. – No. 4 (Dec., 2009). – Pp. 1004-1006.
10. *Васильева Н.В.* Трактат «О духе законов» Монтескье как объект литературной полемики в России второй половины XVIII в. // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. – 2015. – № 3 (16). – С. 322-331.
11. *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // *Успенский Б. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры*. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 205-337.
12. Слово в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашей императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года проповеданное Амвросием архи-

- епископом Новгородским в Санктпетербургской придворной церкви ея величества. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1741.
13. Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. 4. М.: Тип. Т. Рис, 1869.
 14. *Ломоносов М.В.* Избранные сочинения. – Л.: Советский писатель, 1986.
 15. Сочинения Карамзина. Т. VIII. – М.: Тип. С. Селиванова, 1804.
 16. *Бугров К.Д.* Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. – Екатеринбург: БКИ, 2015.
 17. Записка князя Безбородки о потребностях империи Российской // Русский архив, 1877. Кн. 1. – Вып. 3.
 18. *Raeff M.* The Political Philosophy of Speranskij // *American Slavic and East European Review*, Vol. 12. – No. 1 (Feb., 1953). – P. 1-21.
 19. *Томсинов В.А.* Сперанский. – М.: Молодая гвардия, 2006.
 20. *Бугров К.Д.* «Петровская» и «Екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки.* – 2013. – № 2 (114). – С. 179-189.
 21. Сочинения Карамзина. Т. VIII. – М.: Тип. С. Селиванова, 1804.
 22. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. VI. – М.: Университетская типография, 1781.
 23. *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. – СПб.: Изд-во Русского христ. гум. ун-та, 2003.
 24. *Бугров К.Д.* «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки.* – 2015. – № 4 (145). – С. 143-156.

REFERENCES

1. *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach. *The American Historical Review*, Vol. 80, No. 5 (Dec., 1975). Pp. 1221-1243.
2. *Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. 1732–1905. New Jersey, Prentice Hall, 1966. Pp. 23-104.
3. *Zaharov V. Yu.* Konstitucionalizm kak variant modernizacii rossijskogo absolutizma v konce XVIII – pervoi chetverti XIX veka. [Constitutionalism as a Variation of the Modernization of Russian Absolutism in the end of 18th – 1st quarter of 19th centuries]. *Russian History = Rossijskaja Istorija*, 2011, № 6. Pp. 31-51.
4. *Mironov B.N.* Socialnaja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokratičeskoj semji, grazhdanskogo obsčestva i pravovogo gosudarstva. [Social history of Russia of the Imperial period (18th – early 20th centuries): Genesis of person, democratic family, civil society and the legal state]. Vol 2. Saint-Petersburg, Dmitry Bulanin, 1999.
5. *Pufendorf S.* The Whole Duty of Man According to the Law of Nature. Indianapolis, Liberty Fund, 2003.
6. *Pufendorf S.* Ibid.
7. *Saunders D.* The Natural Jurisprudence of Jean Barbeyrac: Translation as an Art of Political Adjustment. *Eighteenth-Century Studies*, Vol. 36, № 4, 2003. P. 478.
8. *Hochstrasser T.J.* Natural Law Theories in the Early Enlightenment. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. Pp. 78-80.
9. *Moggach D.* Freedom and Perfection: German Debates on the State in the Eighteenth Century. *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*, Vol. 42, No. 4 (Dec., 2009). Pp. 1004-1006.
10. *Vasileva N.V.* Traktat "O duhe zakonov" Monteskieje kak object literaturnoi polemiki v Rossii vtoroi poloviny XVIII v. [Montesquieu's «Spirit of Laws» as a Cause of Literary Polemics in Russia at the Second Half of the XVIII Century]. *Vestnik Russkoi hristianskoj gumanitarnoi akademii =Messenger of Russian Christian Humanities Academy*, 2015, № 3 (16). Pp. 322-331.
11. *Uspenskiy B.A., Zhivov V.M.* Car i Bog (Semiotičeskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii). [Tsar and God (Semiotic aspects of sacralization of monarch in Russia)] *Uspenskiy B. Selected Works. Vol. I. Semiotics of history. Semiotics of culture.* Moscow, Languages of Slavonic Culture, 1996. Pp. 205-337.
12. Slovo v vysočaišij den rozhdenija blagočestivejšija samoderzhavnejšija velikija gosudaryni nasheja imperatritsy Elisavety Petrovny veja Rossii dekabnja 18 dnja 1741 goda propovedannoe Amvrosem archiepiskopom Novgorodskim v Sanktpeterburgskoj tserkvy eja veličestva [An Oration for the Highest Day of Birth of the Most Pious, Most Autocratic Great Princess Elisabeth Petrovna of all the Russias on December 18th, 1741, preached by the Ambrosius, archbishop of Novgorod in the Saint-Petersburg court church of Her Majesty]. Saint-Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1741.
13. Osmnadtsaty vek. Istoričeskii sbornik izdavaemij Petrom Bartenevom. [The Eighteenth Century. A Historical Collection published by Piotr Bartenev]. Vol. 4. Moscow, Typ. T. Ris, 1869.
14. *Lomonosov M.V.* Izbrannye sočinenia [Selected Works]. Leningrad, Soviet Writer, 1986.
15. Sočinenija Karamzina [The Works of Karamzin]. Vol. VIII. Moscow, Typ. of S. Selivanov, 1804.
16. *Bugrov K.D.* Monarhija i reformy. Političeskie vzgljady N. I. Panina. [Monarchy and Reforms. The political views of N. I. Panin]. Ekaterinburg, BKI, 2015.
17. Zapiska knjazja Bezborodky o potrebnostyakh imperii Rossijskoj. [Prince Bezborodko's memoire on the needs of the Russian Empire]. *Russki Arkhiv = Russian Archive*, 1877. Vol. 1. Issue 3.
18. *Raeff M.* The Political Philosophy of Speranskij. *American Slavic and East European Review*, Vol. 12, No. 1 (Feb., 1953). Pp. 1-21.

19. *Tomsinov V.A.* Speransky [Speransky]. Moscow: Molodaja gvardija, 2006.
20. *Bugrov K.D.* «Petrovskaja» i «ekaterininiskaja» koncepcii politicheskoj svobody v Rossii 2-ji poloviny XVIII v. [Petrine and Catherinian Concepts of Political Liberty in Late 18th century Russia.]. *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta = Annales of Ural Federal University. Ser. 2, Humanities.* 2013. № 2 (114). Pp. 179-189.
21. *Sochinenija Karamzina* [The Works of Karamzin]. Vol. VIII. Moscow, Typ. of S. Selivanov, 1804.
22. *Sumarokov A.P.* Polnoe sobranie vseh sochinenij v stihah i proze. [Full collection of works in poetry and prose]. Vol. VI. Moscow, University Typography, 1781.
23. *Pustamakov V.F.* Universitetskaja filosofija v Rossii. Idei. Personalii. Osnovnie centry [University philosophy in Russia. Ideas. Persons. Main centers]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanities University, 2003.
24. *Bugrov K.D.*. "Kamen, sluzhaschij osnovaniem gosudarstvu": monarchicheskaja forma pravlenija i osobiy status dvorjanstva v politicheskoj mysli Rossii XVIII v. ["The Cornerstone of the State": Monarchical form of government and nobility's special status in the political thought of 18th century Russia]. *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta = Annales of Ural Federal University, Ser. 2, Humanities,* 2015, № 4 (145). Pp. 143-156.

Информация об авторе

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

Получена: 30.05.2016

Для цитирования статьи: Бугров К.Д. «За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»: проблемы функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 3. Часть 2. с. 27-33.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-27-33.

Information about the author

Konstantin D. Bugrov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Primary Sources Studying, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

k.d.bugrov@gmail.com

Received:30.05.2016

For article citation: Bugrov K.D. «Za dobrodetel' vozdayanie, a za bezzakonie kazn'»: problemy funktsionirovaniya pravovogo politicheskogo yazyka v rossiyskoy obshchestvennoy mysli XVIII v. [«A reward for virtue, and a penance for iniquity»: the problems of functioning of the legal political language in XVIII century Russian public thought.]. *Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 3. Part. 2. Pp. 27-33.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-27-33. (in Russian)